

она действительно должна найти применение, и не связывают её с тем, к чему она не имеет отношения. Если эта идея действительно плодотворная, она надолго и прочно входит в наш интеллектуальный арсенал. Но у неё уже нет былого налёта величия, всеохватывающего масштаба, бесконечной универсальности её возможного применения. Второе начало термодинамики, закон естественного отбора, принцип бессознательной мотивации, организация средств производства — эти идеи не объясняют всего и даже всего, связанного с человеком, но кое-что они всё же объясняют; и мы должны выделить то, к чему они действительно имеют отношение, и откеститься от псевдонауки, которую на первых порах они породили» (Гирц 1997: 171—172).

VI.3. Происхождение и виды расизма: наука против лженауки — или в союзе с ней?

Несмотря на прямые указания, рассыпанные по тексту Л. Н. Гумилёва, неискушённый читатель не всегда замечает расистский смысл его концепции. Мы привыкли понимать под расизмом его самую грубую и легко заметную форму — учение о неравноценности людей и наций, физические различия между которыми видны простым глазом (например, между белыми и чёрными). Такой расизм (назовём его **физико-антропологическим** или даже **биологическим**) характерен для колоний или бывших колоний, в США его впервые теоретически обосновал Джошуа Нотт, антрополог из Нового Орлеана. Но такой вариант не прижился в Европе — по крайней мере, в тех её странах, для которых колониальный вопрос был второстепенным или не вставал вообще. Здесь не было тех проблем, на решение которых мог бы претендовать биологический расизм: ведь в морфологическом смысле население Европы довольно однородно. И даже плотность расселения блондинов или брюнетов мало связана с этническими стереотипами. Автору этих строк в 2002 г. на конференции в Красичине (Польша) довелось услышать от одного из участников: в Свентокшиских горах (близ Кельце) наконец-то обнаружена популяция крестьян, полностью соответствующая славянскому типу! А какому же типу тогда соответствуют остальные поляки? Да и не только они? Но в таком случае почему надо считать, что только этот редкостный тип — именно «славянский», а все остальные — нет?

Поэтому европейский расизм принял более тонкую форму — назовём её **психологической**. Для него раса — это группа людей с характерными стереотипами поведения (психологическим типом, или, как сейчас говорят, «психотипом»), причём предполагается, что этот признак наследственно закреплён (Гумилёв 1990: 51). До 1945 г. его как-то пытались увязывать с физическими признаками — например, с формой черепа. Однако даже многочисленные измерения, проведённые О. Аммонном или Ж. В. де Ляпужем (последний собрал данные на 20 тысяч человек), не позволили получить хоть сколько-нибудь внятные и недвусмысленные результаты. Мало того, исследования немецких антропологов конца XIX в. показали, что среди немецких евреев процент блондинов оказался не ниже, чем среди самих немцев: «Так, среди еврейских детей блондинов оказалось 11 %, а жители Пруссии были чаще белокуроыми, чем население Баварии» (Колчинский 2007: 125). В 1920-е годы профессор К. В. Мюллер — член СДПГ, склонный к расизму, — обнаружил, что «среди лидеров СДПГ 54 % — блондины, а среди руководителей профсоюзов текстильщиков их доля ещё выше — 75—80 %» (там же: 340). А ведь речь идёт о левых движениях,

участие в которых не должно быть свойственно «истинному арийцу»! Как бы нацисты ни пропагандировали подобные выводы (там же), противоречие было налицо.

По данным А. А. Ивановского, долихоцефальные черепа, считавшиеся в его время признаком «арийцев», у немцев были выявлены в 10% случаев, а у евреев — в 16% (там же: 213). Больше того, сама форма черепа, казавшаяся таким надёжным признаком, оказалась изменчивой, что показал ещё Ф. Боас в конце XIX в. (см.: Берг 1977: 242—244), а затем — факт брахицефализации населения Европы, отмеченный уже давно и выходящий за пределы, до которых его можно объяснить наследственностью.

Поэтому рубежом отступления для расизма должна была стать идея: да, расы (в их понимании, как группы с наследственными психическими задатками) существуют и даже борются между собой, но... их признаки вообще не проявляются в фенотипе! Принадлежность человека к той или иной генетической линии определяется уже только по социальному поведению. Чётче всего эту мысль выразил Х. С. Чемберлен, один из предтеч нацизма: «тот, кто ведёт себя как тевтон, является тевтоном независимо от своего расового происхождения» (цит. по: Ширер 1991 {1960}: 138). Эту картину мы и видим у Гумилёва: «Этническая принадлежность в зонах контакта определяется не происхождением, а стереотипом поведения, а в то время — и исповедания» (Гумилёв 1992: 398); «Исповедание — символ этногенеза» (там же: 65). Это очень напоминает «борьбу ценностей» по Розенбергу. Открытым текстом о том же, комментируя «Ура Линду», говорит А. Г. Дугин (2000): «Три священных матери — три расовых типа, три психологических модели мировоззрения»

При этом, однако, Л. Н. Гумилёв специально отмежевывается от скомпрометированного термина «раса» (там же: 13—16), отводит ему только поле физической антропологии, а объект своего исследования он называет «суперэтносо́м» и не раз подчёркивает, что суперэтносы — не расы в привычном для советского читателя смысле. Однако нетрудно заметить, что по сравнению, например, с Гобино изменилось лишь название. Кроме того, умный и эрудированный Л. Н. Гумилёв постоянно напоминает о мутациях или «генетическом дрейфе» под действием «пассионарного толчка». Недоучка Розенберг в такие тонкости не входит — он говорит лишь о «крови», под которой, однако, понимает всё ту же наследственность.

Правда, есть одно важное различие. Для Розенберга, Дёмина, Вирта расы существуют изначально: «нордические арийцы» появились ещё в гиперборейской Атлантиде и с тех пор остались теми же, кем были, если только не подверглись расовому смешению. У Гумилёва же суперэтнос имеет ограниченный срок жизни (1200 лет). При этом суперэтносы периодически возникают под действием неисследованных природных процессов, а затем исчезают, растратив запас пассионарных генов — причём расовые смешения играют в этом процессе далеко не последнюю роль. В этом, в частности, автор видит причину быстрой гибели Арабского халифата, создатели которого не препятствовали межэтническим бракам (Гумилёв 1990: 35, 62—63, 110—111, 182). Кроме того, Л. Н. Гумилёв — циклист (хотя в финале книги 1990 г. о циклизме отзывается скептически), другие перечисленные авторы — нет.

Как ни печально, для XIX — середины XX вв. расизм нельзя признать в полной мере антинаучным. Напротив, немалая доля вины за него лежит на позитивистской

философии. Именно она разработала современные критерии научности — точные, свободные от субъективных мнений, основанные на эксперименте — таком же, как в естественных науках, включающем проверку опытом и практическим применением. Классической формой таких представлений стал физикализм 1920-х годов. Но из всех наук о человеке к подобному критерию была близка только биология (и физическая антропология как её раздел). Отсюда естественно следовал вывод: объяснить человеческое поведение научно — значит объяснить биологически. А это как раз и позволяло подвести под расовые предрассудки «естественно-научную» базу, подкрепить их несомненным в то время авторитетом «позитивно-го» знания (см.: Колчинский 2007). Выход позволило найти лишь признание, что не всякий эксперимент сводится к тому типу, что принят в физике, а стало быть, гуманитарные науки не обязаны копировать физические (см. выше, III.10).

Однако в то же время расизм — феномен, родившийся в эпоху романтизма. Поскольку избранная раса, так или иначе, появилась очень давно, а с тех пор в основном портилась, прямо напрашивался вывод, что её исходное состояние и было раем земным — в том виде, в каком каждый автор этот рай понимал. Это благодатнейшая почва для ретроутопий. К тому же подобную историческую схему разработал ещё Платон: картиной упадка своей идеальной республики («Государство», VIII) и особенно финалом диалога «Критий». Не случайно слова «раса» и «Атлантида» так часто пестрят в одних и тех же книгах. В тесной связи с романтизмом и ретроутопией — секрет привлекательности расизма, ядовитость которого для неподготовленного читателя на таком фоне долго может оставаться незамеченной.

Если Гумилёв и не пользуется услугами атлантологии (для этого он всё же слишком серьёзный автор), то отсылки к «степной Атлантиде» в Хазарии у него можно найти (Гумилёв 1992: 144). Схема подъёма и упадка Хазарии отчасти напоминает финал «Крития» у Платона — впрочем, быть может, лишь потому, что любая история подъёма и упадка чего-либо происходит по схожей схеме.

В общем, получается, что иррациональный источник расизма — романтизм, рациональный — позитивистские требования научности.

Заметим, что этнос — не группа, объединённая родством (*noi de la Rîm tragem*)⁹³, а группа, объединяющаяся вокруг «пассионарного ядра» (Гумилёв 1990: 243 и др.). В общем, этнос — это тесная компания, которую окружающие сочли достаточно хорошей, чтобы к ней примкнуть. Этнос возникает, когда группа людей предлагает миру свою программу. Эта же мысль, хотя по отношению к государству, появляется уже в «Восстании масс» (XIV,7):

«Любое государство — первобытное, античное, средневековое или современное — это всегда призыв, который одна группа людей обращает к другим группам, чтобы вместе что-то делать. Дело это, каковы бы ни были его промежуточные ступени, сводится к созданию какой-то новой формы общей жизни. Государство неотделимо от проектов жизни, программы дел или поведения <...>. Не то, чем мы *вчера были*, но то, чем все вместе *завтра будем*, — вот что соединяет нас в одно государство» (Ортега-и-Гассет 1989: № 4, 145—146).

Но при этом у испанского автора, бывшего в жизни весьма умеренным либералом, государство — не кровное единство и не голое насилие. Прежде всего это — программа сотрудничества, единство цели. Знаменитая политическая эмблема Сааведры Фахардо — стрела и под ней надпись: «Взлетает или падает» — это и есть

⁹³ «Мы от Рима ведём род» — слова молдавского летописца Григоре Уреке (XVI в.).

государство. Оно возникает на основе известных предпосылок (единство крови, языка, «естественные» границы), но его существование есть постоянное преодоление этих предпосылок, постоянное включение в себя чужеродных элементов (именно ставших своими *благодаря* своей чужеродности, благодаря постоянному противоборству!) ради общей программы. Если оно перестаёт эту программу выполнять — оно распадается, и никакое кровное или материальное единство ему не помогает (Ортега-и-Гассет 1989: №4, 142).

Психологический расизм не исчез и в наши дни — не столько в науке, сколько в массовой культуре. В этой области Рафал Панковский выделяет три его современных вида, различающиеся прежде всего по функциям.

Во-первых, это — **«расизм как отрицание»** (*rasizm jako kontestacja*), форма молодёжной субкультуры, способ позиционирования своей группы вне общества или даже в конфликте с ним, чтобы ощутить себя не такими, как все. В ряде случаев такой расизм сочетается с сатанизмом, неонацизмом и прочими символами самодовлеющего зла. Один из рок-музыкантов 1970-х годов определял это состояние так: «Ты вырезаешь на скамье свастику. Ты не знаешь, что такое фашизм, в этом нет ничего общего с антисемитизмом и так далее. Дети ещё не думают о таких вещах. Ты просто хочешь показать всем, как чрезвычайно ты зол» (цит. по: Pankowski 2006: 65). Проявления такого расизма чрезвычайно демонстративны

Во-вторых, расизм может выступать как знамя **реконкисты** — отвоевания культурного пространства, как стратегия его аннексии (там же: 89—136). Это — «элемент мировоззрения, отвергающего ценности, признанные господствующими (например: демократия, терпимость), но утверждающий необходимость и возможность культурного контрнатупления (“реконкисты”), заключающейся в его распространении в широких общественных кругах. Здесь функция расизма — не просто шокировать и устрашать потенциальных противников, но и обозначить возможные границы постулированной воображаемой общности. Атрибуты “расы” (то есть физические свойства, переносимые на воображаемые культурные признаки) связываются с атрибутами этноса и этническими (авто)стереотипами. Расизм связывается с закреплёнными мыслительными структурами, уходящими корнями в господствующую и исключающую [чужаков] форму культурного национализма» (Pankowski 2006: 17—18). Следует заметить, что термин «реконкиста», отсылающий к «войне культуры» за обладание Испанией, используют сами новые правые (*ibid.*: 90, 92).

Наконец, третий вид (самый неожиданный) — это **глобализирующий** (*globalizujący*) **расизм**. Не афишируя себя, он проявляется в форме «естественных» различий между народами, например, бывших колоний и их бывших метрополий. Раз эти народы теперь формально равноправны, но первые всё-таки отстают от вторых, скатываются на последние места в мировом разделении труда, а значит — и по уровню жизни, то...? «На уровне “космополитичной” глобальной поп-культуры проявляется уже не раз критикованный с антирасистских позиций феномен культурной эксплуатации — ложной кооптации периферийной культуры в привилегированный центр. Хотя во многих текстах невозможно указать на их расистский характер, но они создают иллюзию равноправной многокультурности, не соответствующую реальной расстановке сил в постколониальном мире, подчинённом поляризующему общественно-экономическому механизму глобализации. Тем самым они становятся составной частью идеологии, скрывающей структурное неравенство — наследие эпо-

хи расистского колониализма» (Pankowski 2006: 18). А такие взгляды могут пропагандироваться и внешне respectable СММИ.

Итак, в который уже раз важно понять, не *почему* или *каким образом*, а *для чего* продолжает существовать в наши дни расизм и его мифы. И если первая его форма (молодёжная субкультура), при всей крикливости, слишком хаотична и самопротиворечива, то две другие куда как серьёзны. При этом их реакционная сущность не скрывается даже их апологетами. В изначальном, психофизиологическом значении слова «реакция» — реагирование на какие-то перемены, чтобы сохранить статус-кво. «Реконкиста» — это обратное завоевание привилегированными группами вчерашней Европы законного, по их мнению, места, которого они лишились; глобализирующийся расизм — защита «законного места» бывших колониальных держав. Именно эти две группы интересов и обслуживают исторические мифы — независимо от того, понимают ли это их авторы.

VI.4. Мифологическое сознание и провалы его адептов

«Не понимаю этой паники, — говорил один в центре собравшихся. — Надо бы принять звездолёт. Подумать только, как много мы можем узнать от них, очевидно, людей более высокой культуры и столь похожих на нас...»

«В этом-то и дело, — перебил другой, — но как же быть с мифом Белых Звёзд?»

И. А. Ефремов. Час Быка, III

Теоретическая нищета «*Мифа XX века*» не вызывает сомнений. Однако на что же мог рассчитывать автор, публикуя такую книгу (если не говорить о личной славе, гонорах, политической демагогии и тому подобном)? Мог ли он надеяться что-либо доказать? Но в книге нет ни доказательств, ни определений. Или он мечтал кого-то чему-то научить? Но ни один человек с критическим мышлением не воспринял бы его выкладки всерьёз. По крайней мере, без принуждения.

Поскольку «*Миф*» — документ не научный, а идеологический, то и задачи его другие: *обосновать такую политику, которая стимулировала бы инстинктивную «творческую» деятельность*, раскрепостить «расовую душу» в том виде, в каком её понимал Розенберг. Однако это означало устранение культуры со всеми её искусственными механизмами. Сам Розенберг был человеком если не интеллигентным, то хотя бы начитанным. Он мог сослаться не только на Гёте и Шиллера, но и на Авесту и Махабхарату, на Платона и Мейстера Экхарта, на Шпенглера и Бахофена, на Достоевского и Горького. Именной указатель его книги включает около полутысячи имён. Однако его читатели — члены партии, обязанные изучать его труд поголовно, — были совсем другими. Известно, из каких низов вербовались штурмовики и эсэсовцы. Что же касается рядовых членов НСДАП, не входивших в эти организации, чаще всего они были обычными карьеристами, без всяких идей, а нередко и без культурных «предрасудков». Бернгард Келлерман в романе «*Пляска смерти*» (*Der Totentanz*) рисует их портреты: портной, вступивший в партию и тем обеспечивший себе заказы; адвокат, избежавший таким путём увольнения и лишь затем увлечёвшийся нацистской риторикой; бывший армейский повар, ставший гауляйтером и дорвавшийся до своей главной цели — шампанского и девочек в любом количестве (а когда стала ясна перспектива поражения — до виллы в нейтральной Турции). Вот эти-то и должны были читать 700-страничную книгу?